

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2020.3.15

«Лицо» китайца: содержание понятия

С. А. ПРОСЕКОВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Статья посвящена анализу китайского концепта-переживания «лицо», базового для всей китайской культуры.

Автор указывает на обстоятельства, детерминирующие содержание китайского «лица»: это возраст, социальное положение и нравственный уровень развития. Показано, откуда, согласно китайским представлениям, появляется «лицо».

Продемонстрировано содержательное богатство данного концепта-переживания, которое включает в себя только положительные ценности и оценку/самооценку конкретного человека в зависимости от того, насколько он эти ценности практически осуществляет. При этом сохраняется качественное различие отношения к ближнему кругу, к дальнему кругу и к «внешним» — незнакомцам и иностранцам.

Автор проводит компаративный анализ китайского концепта лица, с одной стороны, и русского православного понятия лица (лик/лицо/личина) — с другой. Различия между русской картиной мира и китайской очевидны и связаны прежде всего с пониманием сакрального и трактовкой противоположностей, индивидуального начала и пр. Однако им свойственны и некоторые сходные черты, например относительно большая социальная ориентированность.

Также исследуются западноевропейские, близкие по смыслу, понятия. Автор указывает на характерную для них веру в законосообразность мироустройства и разделение на социальное Я и внутреннее Я в сравнении с русскими и китайскими представлениями: в последних вообще отсутствует европейская дихотомия внутреннего и внешнего, почтение к принципу легальности и Я-центричность, зато чтится ритуал, который трактуется как способ коммуникации с мировым порядком, а в Европе давно понимается как нечто формальное и вполне пустое.

Такой анализ позволяет более выпукло описать особенности китайского концепта. В некоторых аспектах китайское «лицо» сближается с определенными аспектами русского «лица», в других — с европейскими понятиями. Показано, что сам концепт «лицо» является общекультурной конструкцией.

Ключевые слова: «лицо»; индивидуальность; Китай; лик/лицо/личина; личность; престиж; репутация; социум, честь

ВВЕДЕНИЕ

Концепт «лицо» является одним из базовых для азиатской культуры в целом и одновременно — одним из наиболее спорных понятий в исследовательском поле. Дискуссии о содержании этого концепта, являющегося одновременно и переживанием ведущей моральной нормы, привели к тому, что авторы разделились на два лагеря:

на тех, кто считает, что содержательно «лицо» присуще только китайской и в целом азиатской культуре, и тех, кто полагает, что в европейской культуре вполне находятся аналоги азиатскому «лицу». Автор настоящей статьи покажет, что существует сходство китайского концепта «лица» с некоторыми европейскими представлениями (честь, достоинство, статус, репутация, престиж и др.), однако китайское «лицо» имеет свою специфику. По результатам сравнительной характеристики китайского «лица» и христианской мифологемы «лик/лицо/личина», а также компаративного анализа этих концептов в сравнении с западноевропейским концептом предлагаются выводы о ряде их сходств и различий.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ «ЛИЦО»

В старом Китае понятие лица определялось прежде всего тремя меняющимися обстоятельствами: социальным положением, возрастом и добродетелью (Ивченко, 2014). Однако и сегодня китайское «лицо» представляет собой центральное понятие антропологии Поднебесной. Оно увеличивается в размерах («вырастает») не только в связи с достижениями персоны, но даже если преуспевает друг человека, его сосед, однокурник, его лектор или просто люди, с которыми китаец вместе сфотографировался когда-то; оно умалется, его можно и вовсе потерять. «Главное понятие китайской этики — это “лицо”, которое есть сумма социальных претензий индивида, признаваемых обществом. “Лицо” может быть маленьким или большим в зависимости от социального статуса, и его можно потерять помимо своей воли — достаточно, чтобы окружающие перестали делать жесты, часто совершенно формальные, удостоверяющие наличие “лица” у данного человека. Потерянное “лицо” нельзя восстановить собственными усилиями. <...> Вспыхнувший конфликт может быть разрешен либо смертью обидчика (так было принято в древности), либо “искренним”, часто весьма драматично разыгрываемым раскаянием. Поэтому немалая часть поведения китайцев до сих пор преследует цель подтвердить и сохранить “лицо” — как собственное, так и окружающих людей» (Малявин, 2005: 11). Представляется, что тут — основа китайской солидарности и потенциал солидарности китайцев со всем миром, его «присятия в себя» и в этом смысле — «поглощения». Однако здесь следует помнить, что социальность, основанная на кровном родстве или взаимных обязательствах, не распространяется на периферийный круг дальних, поэтому апология *китайского* отношения к внешнему миру вообще или иностранцам и чужакам неуместна.

Правило сохранять не только свое «лицо», но и «лицо» другого человека диктует и правила этикета: любая критика и претензии в отношении китайцев должны начинаться с похвалы им, после чего «но...» только и будет уместным. Скромность вплоть до самоуничижения — самоуничижения на вкус европейца — одобряемая особенность китайского «лица». При этом часто пишут о душевной черствости китайцев в отношении несчастий незнакомых им людей: тут жители Поднебесной действительно могут быть холодны, а в традиции нет ничего похожего на христианскую притчу о добром самаритянине (там же: 12). Выходя из-под контроля своего комьюнити, китаец, как это случается повсюду с переселением деревенских жителей в большие города, способен, при ощущении анонимности и бесконтрольности, вести себя так, как он никогда не повел бы себя в родной деревне или поселке, где все и всё не ускользает от глаз соседей.

«ЛИЦО» КАК ВЕКТОР КОММУНИКАЦИИ

Исследовательница-филолог И. Г. Нагибина отмечает, что «лицо» — важнейший культурно-коммуникативный вектор коммуникации в Китае (Нагибина, 2017: 104–105). «Лицо» там «репрезентуется знаками», объединяющим семантическим ядром которых является “социальный статус”, “соответствие человека нормам социального поведения”, “внешняя сторона, проявляющая это соответствие”» (там же: 105). И далее приводятся основные значения китайского концепта: это и пользоваться уважением / заботиться о своей репутации; и щадить (чье-л.) самолюбие / бояться потерять лицо; и потерять лицо, честь; и уважать чувства (кого-л.); и потерять всякий стыд; и осрамиться; и вызывать к себе презрение; и опозориться; и беспощадный, безжалостный; и быть толстокожим (наглым, бессовестным), и разорвать отношения, рассориться; и престиж, честь, достоинство; и коварный; и репутация; деликатность; и совесть; и рамки приличий; и облик. Кроме того, приводятся расхожие выражения и присловья с этим понятием («беречь честь человеку необходимо настолько же, насколько дереву нужна кора»; «не смотри на монаха, смотри на Будду» (о благодетели, оказываемом ради стороннего лица); «бить по лицу, чтобы оно распухло для придания значительного вида» (преувеличивать свои возможности, кичиться) (см: там же: 105–106).

Уже из данного перечня видно, насколько широк концепт «лица» в китайском языке. Вероятно, из-за того, что нормы, заложенные в этом концепте, воспринимались в китайской культуре как само собой разумеющиеся, понятие долгое время не изучалось самими китайцами. Интересно, что, согласно мнению нынешних китайских исследователей, все-таки «знаки лян и мянь содержат более широкий смысл, чем их не-китайские варианты» (там же: 107).

Далее филолог перечисляет основные модусы коммуникативного вектора «лица». Это:

1) «откровенная демонстрация лица» — предъявление своих благородных поступков другим людям путем определения собственных действий в качестве образца и/или приложения всех возможных усилий для достижения высоких результатов. Есть основания добавить к сказанному следующее: можно думать, что таковая откровенная демонстрация лица в глазах европейцев выглядит зачастую как хвастовство, в то время как традиционная китайская скромность — как недооценка себя; в любом случае, как говорят европейцы, китайцы редко умеют «правильно подать себя». Любопытно, что то же «неумение подать себя» приписывается европейцами и людям русской культуры;

2) «оберегание лица» — осмотрительность, которая часто связана с замедлением реакций, выглядящей порой как некоторая «заторможенность» китайца;

3) «представление себя с лучшей стороны» — также вербальная репрезентация своих успехов, но менее откровенная, чем по модусу¹;

4) «поддержание лица» — имеет в виду действия по увеличению «лица» собеседника;

5) «сохранение лица» — «это пощада или поддержание лица собеседника в случае опасности его потери»;

6) «потеря лица» — поступки, противоречащие принятым социальным нормам;

7) «нанесение вреда лицу» — акты, которые наносят вред репутации, но все же не разрушают ее в отличие от «потери лица»; в педагогической практике, например, совершаются педагогом в качестве критики с целью вызвать чувство вины у студента;

8) «разрыв отношений» (*букв.* «разорвать лицо») — защитный акт, случающийся вследствие нанесения существенных обид («вреда лицу») или физического насилия в отношении персоны;

9) «множественность лица» — применение разных приемов улучшения репутации;

10) «пренебрежение лицом» — антонимичное выражение по отношению к выражению «оберегание лица», т. е. поведение, не соответствующее социально-моральным нормам, «бесстыжее», «наглое»;

11) «смертельная боязнь потерять лицо» — «по мнению специалиста в области социологии и коммуникативистики В. Бенуа, включает четыре основных тактики: во-первых, отрицание или непризнание собственной ошибки; во-вторых, избегание противоречий или превращение больших проблем в маленькие, а маленьких — в ничто; в-третьих, перекалывание вины на других; в-четвертых, симулирование чувства вины» (там же: 108–111).

С точки зрения западной коммуникативистики, признание своей ошибки полезно, ошибки следует признавать сразу: признавая ошибку, человек лишает обвинителя оружия нападения, и в целом часто остается возможность ошибку исправить. Однако у китайцев с этим трудно: с одной стороны, они, как того требует традиционный этикет, могут самоуничижаться, с другой — определенных типов обид никогда не прощают. Избегание противоречий, с одной стороны, свидетельствует о доминирующих мирных интенциях в общении, с другой — об отрицании проблем, которые способны при таком невнимании к ним вырасти в настоящие препятствия для коммуникации. Перекалывание вины на других, как и симуляция чувства вины, — неприглядные качества, но, с другой стороны, они компенсируются частым принятием на себя вины (или ее части) в ситуациях, когда человек не виноват, как и искренностью, требуемой от китайцев нормами этики.

«Лицо» всегда ситуативно, находится в беспрестанном процессе и функционирует в социуме по особым правилам, обеспечивающим коммуникацию. Различие между евроамериканским «лицом» и китайским как интенционально «центробежным» (нонконформистским) и центростремительным (конформистским), которое формулирует И. Г. Нагибина, представляется сомнительным: первое, как и второе, функционирует в соответствии с общественными ожиданиями и одобрением, и в этом смысле оба «центростремительны»; европейский андеграунд и нонконформизм, как и китайский, всецело зависят от социальной нормы как отталкивание от нее: не будь этой нормы, от чего бы им отталкиваться? Так или иначе, но концепт лица конституирует политико-дипломатическую, военную, культурную и повседневную практику китайцев, хотя сам способ его функционирования в последние десятилетия заметно меняется.

Важно, что «быть вежливым» (*букв.* «иметь лицо») означает «знать, как обращаться с “мянцзы” и “лянь” друг друга и выстраивать речевые акты в соответствии с этими образами» (там же: 116). Китайская вежливость изучена этиками глубоко, нам же тут важно подчеркнуть ее связи с понятием «лицо». Однако высшие смыслы, с китайской точки зрения, сложнее языка, языка письменного или устной речи, и могут быть выражены только в символах. Китайская «вежливость» — это не европейский этикет эпохи модерна, который является лишь внешними формами учтивости, не требующими искренности или, тем более, связи с природой вещей (впрочем, на более ранних этапах развития европейского общества существовали также идеи, восходящие к родоплеменным представлениям и способные сохраняться и в период Нового времени, о «прирожденном благородстве» нобилей — «по крови»).

ОТКУДА ПОЯВЛЯЕТСЯ «ЛИЦО»

«Подлинное лицо» человека, согласно китайским представлениям, существует до появления его родителей на свет — в таком утверждении сошлись и чань-буддизм, и исконная китайская даосская традиция (Малявин, 2000: 260–261). Эта первичная реальность кажется только символической, только виртуальной, т. е. «вторичной», лишь европейцу Нового времени, ибо немедленно напрашивается идея параллелизма с платоновским учением об эйдосах, их первичности. При этом как синологи, так и специалисты по европейской (и русской) культуре очень не любят таких параллелей, им зачастую кажется, что различий тут гораздо больше, чем сходства. Но ведь это вопрос степени, вопрос достаточно тонкий, ответы на который имеют обычно субъективный характер. Нет смысла отрицать качественное своеобразие китайской картины мира, но закрывать глаза на ее общие с иными культурами интуиции также нецелесообразно. Проще говоря, запрет на сравнение — очень странный для научного сознания запрет.

Г. А. Баженов вслед за многими европейскими исследователями полагает, что на протяжении веков индивидуальность, как и индивидуализм, в Китае подавлялась (Баженов, 2009: Электронный ресурс). На этом фоне «забота о собственном лице становилась единственной областью, над которой индивид имел власть» (там же). Однако, как представляется, стоило бы сказать в самом начале обсуждения, что высказываются мнения и о том, что понятие «лицо» невозможно перевести и определить, но именно в нем — ключ к китайской душе. Г. А. Баженов и другие авторы не согласны с тем, что этот концепт непереводаем, и пытаются определить понятие лица.

Концепт «лица» (*lian*) занимает в китайском обществе совершенно особое место. «С понятием “лица” тесно связано представление о лояльности индивида по отношению к членам своей группы. Родственники и друзья должны прилагать все усилия к тому, чтобы выполнить обязательства по отношению друг к другу. Нелояльный индивид — это индивид “без лица”. На “лицо” индивида оказывает влияние также соблюдение им норм группы. При помощи системы установок и отношений, связанных с концептом “лицо”, происходит интеграция индивида в группу. Сотрудничество внутри группы противопоставляется индивидуализму. Любое проявление пренебрежения “лицом”, которое заставляло людей чувствовать дискомфорт или неблагоприятно выглядеть в глазах других и отражалось не только на них, но и на их семьях и группах, считалось оскорблением, которое требовало быстрых извинений, а в более серьезных ситуациях и определенного возмездия или мести» (там же). Это означает избегание конфликтов, ведь считается, что, если китаец причинял вред «лицу» другого, он вредил собственному «лицу». «Лицо», его обретение и поддержание обеспечивается выполнением социальных норм и связано с социальным доверием. Не следует, к примеру, демонстрировать огорчение, гнев или незнание — в этих случаях несоблюдение этикетных правил означает «потерю лица». Если же китаец честно исполнял весь набор социальных требований, необходимых для обретения и поддержания «лица», а его самого и результаты его усилий отвергли, даже в случае если это сделал значимый иностранец, китаец будет думать о мести, ибо «потерял лицо».

Представляется, что тут позволительно высказать гипотезу о сравнительных характеристиках китайского «лица» и христианской мифологемы «лик/лицо/личина», а также провести компаративный анализ этих концептов в сравнении с западноевропейским концептом.

*КИТАЙСКОЕ «ЛИЦО», ХРИСТИАНСКИЕ «ЛИК/ЛИЦО/ЛИЧИНА»
И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ*

Еще в русской классической литературе одной из центральных тем явным или неявным образом была тема лица/личности. М. Е. Салтыковым-Щедриным создана целая галерея не-лиц. Н. В. Гоголь актуализирует бинарную оппозицию лицо/рыло (маска, рожа, харя). Крайне притягательна эта тема для Достоевского (Ставрогин как «личина личин», как «маска в отсутствие лица», «сатанинское лицо» у Великого инквизитора и т. д.). А. П. Чехов описывает трагедии утраченных лиц (Исупов, 1998). С. А. Есенин пишет стихотворение «Черный человек» о своем отвратительном двойнике, личине, существующей вместе с лицом в одном человеке; тема тени, зеркала как искажения лица, тема Другого станет достаточно яркой в русской литературе. А. Ф. Лосев пишет о мифе как «лике личности», Вяч. Иванов — о «лике и личинах России». При трактовке маски во времена Серебряного века и как жизнепорождающего действия, и как свободной игры трендом все же остается понимание лика как явленного сакрального, а в православии — Троицы как Личности, абсолютного света, вечной жизни, образа Божия в человеке; лица — как обычного смешения темного и светлого начал, греховного и образа Божия в личности человека; личины — как бесовства и абсолютной тьмы, кривого двойничества, смерти: бесы безлики, у них есть только личины. М. М. Бахтин и другие разрабатывают тему диалога Я и Ты: человек смотрится в Другого как в зеркало: «Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, “заочно”. Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» (Бахтин, 1979: 68). В таком «зеркале», однако, как отмечают иные авторы, часто отражается не лицо, а все-таки личины, маски человека.

У П. А. Флоренского «Лик ликов» — Христос; Лик — явленная духовная сущность, первообраз, эйдос, «проявленность онтологии», «образ Божий», «осуществленное в лице подобие Божие», вечный смысл. Лицо — «явление дневному сознанию», сырая эмпирия: «лицо — это сырая натура, над которой работает портретист, но которая еще не проработана художественно» (Флоренский, 2000: Электронный ресурс). Личина — маска, самозванчество, ложная реальность, мнимость. Маска в античной религии, полагал Флоренский (там же), была родом иконы, но с разложением сакрального превратилась в «мистическое самозванство» с оттенком ужасного, в пустоту, труп, ищущий свежей крови и лица в ситуации лишения жизни и безликости, злое и нечистое, дулообразное, корытообразное. Лицо превращается в личину, когда соотнобразывается с «веком сим», его греховностью, но из лица светится лик как преобразование «по веку будущему» (там же).

Различия в понимании «лица» между русской традицией и китайской очевидны, поскольку они исходят из разных оснований. В религиозном отношении надо иметь в виду радикальное различие представлений о Боге и сакральном. В православии, как и вообще во всем христианстве, Бог — Личность, одновременно имманентный и трансцендентный миру, а сакральное в своей данности противоположно профанному, духовное — плотскому. В китайском менталитете Дао внелично и пронизывает собою все мироздание, нет разделения на дух и тело, а есть, по выражению извест-

ного синолога, «телесное сознание». Даосы верят в перевоплощение — например, считается, что Лао Цзы перевоплощался неоднократно; в китайской версии буддизма признается возможность всякого человека стать буддой, пройдя через цепь реинкарнаций. В Поднебесной нет личности в европейском понимании этого слова, потому что остается неясным вопрос о том, сохраняется ли — и насколько сохраняется, если сохраняется, — индивидуальное начало в перевоплощениях. Следует напомнить и о еще одной базовой особенности: если человек, как и мир, в русской и европейской культуре субстанционален, то в китайской культуре он, как и космос, динамичен, постоянно находится в метаморфозах, он — процесс, а не субстанция.

Концепт «лица» является стержневым как для китайского, так и для русского понимания человека. Китайский концепт включает только благородные, социально одобряемые нормы и реальные свойства человека и его поведения, в то время как в трактовке и реализации русского концепта могут встречаться как позитивные, социально одобряемые качества и поступки, так и негативные. Лицо в русском православном понимании неустойчиво и постоянно тяготеет либо к горнему миру, восходя к лику, либо к дольнему, превращаясь в личину, однако в человеке всегда, даже в падшем состоянии, остается образ Божий и возможность собственными усилиями с помощью Божией вставать и обоживаться — восходить к горнему; в любом случае движение к восстановлению утраченного в первом грехопадении подобия Божия в человеке (первым грехопадением род человеческий испорчен, но не до конца) не может включать в себя радикальные меры вроде, например, убийства или суицида. В китайских представлениях, согласно которым человек чаще всего признается изначально добрым, лицо тоже динамично, но когда человек совершает недолжные поступки, он «теряет лицо»; чтобы его «восстановить», следует предпринять радикальные меры, иногда это может быть убийство или самоубийство.

С другой стороны, китайцы традиционно держатся принципа «предоставлять жизни жить», т. е. течь так, как она течет, веруя в справедливость и гармонию естественного, органичного хода вещей, а православные видят такой «естественный ход вещей» только в утраченном когда-то раю и в будущем Царствии Божием, а текущую жизнь — такую, как она есть, — считают грешной и идущей к апокалипсису, Страшному суду. И тут есть тонкие различия между русским и западноевропейским мироощущением. Если последнее стоит в целом на том, что мир устроен законосообразно, и дело человека — своей деятельностью поддерживать этот законосообразный порядок, то русское мироощущение опирается на чувство хрупкости и почти случайности мира, в основе которого — ужас, хаос и бездна («И бездна нам обнажена / С своими страхами и мглами, / И нет преград меж ей и нами...», как писал Ф. И. Тютчев); человек, чувствуя свое положение как незащищенное и неустойчивое, стремится или переделать мир, сделав его надежным и прочным, или отчаянно балансирует на краю собственного существования, граничащего непосредственно с бездной. Вот в этом отношении западноевропейское мироощущение — мироощущение Нового времени, модерна, но восходящее к античной традиции, — как ни странно, ближе к китайскому, чем русское. Правда, европейцы эпохи Модерна в основе мира видят все же не естественные законы вселенной, а право — законы, сформулированные людьми и в этом смысле искусственные; вернее, полагают последние правильным концептуальным отражением законов мира, «вычитая» из них то, что представляется им «дикостью» и «варварством»; а китайцы почти всегда к легализму относились скептически, если не сказать — с презрением, и вот тут русское «закон что дышло» быстро приходит на память.

В современной западной социальной психологии и социологии личность часто понимается как функция ряда социальных ролей/масок, исполняемых всяким человеком в группе, обществе (сын, родитель, друг, сосед, коллега, попутчик, земляк и пр.); нередко такая социальная личность отличается и даже противопоставляется интимному, подлинному Я, являясь, однако, нормальной и неизбежной формой взаимодействия человека и общества. Иногда от социальных ролей дифференцируют межличностные роли, в которых, как утверждается, меньше шаблонности и требований действовать согласно внешнему образцу, но больше индивидуальных особенностей. Однако и тут нельзя не заметить, что в данном случае меньше/больше — оценки относительные, поскольку в разных обществах существуют — и предписываются, и исполняются в разной степени приближенности к социально-культурным нормам — разные требования к дружеским, приятельским или любовным связям, т. е. именно к межличностным. Конечно, кроме структуралистских теорий, в западной философии существуют и иные школы, однако в данном анализе есть смысл несколько подробнее рассмотреть именно первые.

Китайцам свойственно больше, чем в среднем европейцам, доверять общественному мнению (Малявин, 2005: 20), и в этом смысле они, если так можно сказать, более социальны (а евроцентристы сказали бы — более примитивны, более стадны, но такие обозначения лежат в области оценок, детерминированных позицией наблюдателя, в данном случае, как представляется, вполне шовинистической). При таком компаративистском подходе сравнения по типу больше/меньше имеют больше смысла, хотя и остаются качественными, а не количественными, и ориентированы на «среднего европейца» и «среднего китайца», коих в жизни не существует: это идеальные образцы, которыми, однако, позволительно оперировать в социологии и социальной философии. Напомним: китаец живет в трех «кругах» социальных ролей: это семейные и родовые связи, так сказать, «ближний круг», в котором доминирует доверие, однако, между прочим, и сформированные культурой образцы отношений родителей к детям, детей к родителям, мужчины и женщины и т. д.; внешний круг включает друзей и доброжелателей, которым в основном доверяют, но не безоговорочно, тут встречаются существенно большая доля подозрительности и соперничества, чем в ближнем кругу; и наконец, периферийный круг — чужие, т. е. неизвестные, а также иностранцы. В каждом круге связей у китайца имеется свое «лицо» — набор ожиданий, требований и реального поведения, которое так или иначе всегда отличается от образцов по разным причинам. Современный европеец обычно тоже стремится не смешивать характер связей в ближнем кругу и в дальнем, личные и служебные, хотя, как свидетельствуют многие исследователи, представления о функциональной выгоде и недоверие нередко окрашивают в эпоху модерна и родственные отношения, но когда встречаются эксцессы обратного рода — придание деловым связям семейственного характера. В Европе это осуждается как nepotism или, в лучшем случае, как грубое нарушение деловой этики, а для Китая такого рода отношения традиционны: отношения в государстве издавна выстраивались в Поднебесной как отношения в семье и в роду, хотя начиная с середины XX в. в стране с этим и борются.

Главной ценностью китайцев, согласно их собственным определениям, является гармония между людьми, при этом такое согласие регулируется посредством ритуала, а принцип ритуализма китайцами используется с уникальной последовательностью (там же: 7).

Ритуал в Китае включал и обряды, и церемонии, и этикетные нормы обходительности и любезности, предполагал следование общепринятым правилам поведения, и лишь такой человек, «отшлифованный» культурой, мог в полном смысле именоваться человеком. В. В. Малявин указывает: «В китайской традиции “знать ритуал” означало в конечном счете уметь открывать “небесное”... в человеческом и мудрость Единственного... в анонимной стихии народной жизни. Высшей же формой ритуализма признавалось “недеяние”...» (Малявин, 2003: 22). Каким образом управлять жизнью, если вне тебя нет опоры? Не насилуя жизнь, не господствуя над ней — а позволяя жизни жить. Очевидно, что такая стратегия прямо противоположна активизму европейца периода модерна.

Поэтому Я-образ у китайцев не Я-центричный, как у европейцев, а холистичный, охватывающий одновременно разные позиции, как в традиционном пейзаже, изображенном на картине, используется многофокусная перспектива.

С ритуалом связана и особая утонченная китайская любезность, учтивость, что непосредственно сказалось и на этикете. Так, В. Г. Буров отмечает: «Поначалу вы только дивитесь, почему ваш знакомый норовит опустить рюмку как можно ниже, соприкоснуться ею с доньшком (или с ножкой) вашего бокала. Оказывается, так выражают уважение (я, мол, “маленький человек”, вы — “выше”). И если не хотите “потерять лицо”, представ неотесанным невеждой, — не принимайте этого демонстративного самоуничижения, гните руку с рюмкой хоть к самому столу, но не уступайте в “единоборстве вежливости”» (Буров, 2000: 47).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, можно утверждать, что большинство современных исследователей на достаточных основаниях приходят к выводу о том, что концепт лица как такового является общекультурным конструктом как на Востоке, так и на Западе. Различия состоят в представлениях, составляющих содержание этого концепта. Понятие «лица», безусловно, теснейшим образом связано с понятием личности. По ряду позиций концепт/переживание «лица» в Китае и России близки, но их различия связаны прежде всего с разным пониманием сакрального. С другой стороны, если человек, как и мир, в русской и европейской культуре субстанционален, то в китайской культуре он, как и космос, динамичен, постоянно находится в метаморфозах, он — процесс, а не субстанция, и это базовые различия: в человеке, уверены китайцы, нет разделения на дух и тело, а есть, по выражению известного синолога, «телесное сознание». В Поднебесной нет личности в европейском понимании этого слова, в частности потому, что остается неясным вопрос о том, сохраняется ли индивидуальное начало в перевоплощениях. В Китае нет личности и в современном европейском смысле приоритета «прав человека», когда интересы человека провозглашаются как высшие в отношении интересов общества. Однако, согласно представлениям китайцев, всякий может достичь «человечности», как учит Конфуций, — любви к людям, следуя Золотому правилу нравственности. «Человечность» одновременно наличествует в каждый момент жизни и достигается после совершения самого трудного в жизни. Это то, что есть в человеке потенциально, но и такой «горизонт», должное, к которому следует неустанно двигаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баженов, Г. А. (2009) «Лицо» как базовый концепт концептосферы китайского языка человека [Электронный ресурс] // Синология.Ру: история и культура Китая. URL: <http://www.sy->

nologia.ru/a/%C2%AB%D0%9B%D0%B8%D1%86%D0%BE%C2%BB_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82 (дата обращения: 17.07.2020).

Бахтин, М. М. (1979) *Поэтика Достоевского*. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 318 с.

Буров, В. Г. (2000) *Китай и китайцы глазами российского ученого*. М. 206 с.

Ивченко, Т. (2014) «Лицо» китайца [Электронный ресурс] // Отечественные записки. № 1 (58). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/liso-kitausa> (дата обращения: 17.07.2020).

Исупов, К. Г. (1998) *Лик — Лицо — Личина* [Электронный ресурс] // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/475/ЛИК (дата обращения: 17.07.2020).

Малявин, В. В. (2005) *Китай управляемый: старый добрый менеджмент*. М. : Европа. 304 с.

Малявин, В. В. (2000) *Китайская цивилизация*. М. : Издательство «Астрель», Фирма «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография». 632 с.

Малявин, В. В. (2003) *Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени*. М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография» ; ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ». 436 с.

Нагибина, И. Г. (2017) *Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике : дис. ... канд. филол. наук*. Красноярск. 231 с.

Флоренский, П. А. (2000) *Иконостас* [Электронный ресурс] // Библиотека «Вьхи». URL: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (дата обращения: 17.07.2020).

Дата поступления: 22.07.2020 г.

THE "FACE" OF A CHINAMAN: THE CONTENT OF THE CONCEPT

S. A. PROSEKOV

*FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"FINANCIAL UNIVERSITY UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION"*

The article deals with the analysis of the Chinese concept-experience of the “face”, which is basic for all Chinese culture.

The author points out the circumstances determining the content of the Chinese “face”: these are age, social status and moral level of development. It is shown where, according to Chinese notions, a “face” appears.

The substantial richness of this concept-experience is demonstrated, which includes only positive values and the assessment / self-assessment of a particular person, depending on how much they practically implement these values. At the same time, there remains a qualitative difference between the attitude to the inner circle, to the far circle and to the “external” — strangers and foreigners.

The author conducts a comparative analysis of the Chinese concept of the “face”, on the one hand, and the Russian Orthodox concept of the face (holy face / face / mask), on the other hand. The differences between the Russian picture of the world and the Chinese one are obvious and are associated primarily with an understanding of the sacred and interpretation of opposites, individual principles, etc. However, they share certain similarities, for example, a relatively large social orientation.

Also, Western European concepts that are close in meaning are investigated. The author points to their characteristic belief in the rule of law of the world order and the division into the social self and internal self in comparison with Russian and Chinese ideas. In the latter, there is absolutely no European dichotomy of the internal and external, reverence for the principle of legality and self-centeredness; but ritual is respected, which is interpreted as a way of communication with the world order, but in Europe ritual has long been understood as something formal and completely hollow.

Such an analysis allows for a more convex description of the features of the Chinese concept. In some aspects, the Chinese “face” is close to certain aspects of the Russian “face”, in others — to European concepts. It is shown that the concept of the “face” itself is a general cultural construction.

Keywords: “face”; dignity; individuality; China; holy face/face/mask; personality; prestige; reputation; society; honour

REFERENCES

- Bazhenov, G. A. (2009) «Litso» kak bazovyi kontsept kontseptosfery kitaiskogo iazyka cheloveka. *Sinologiya.Ru: istoriia i kul'tura Kitaia* [online] Available at: http://www.synologia.ru/a/%C2%AB%D0%9B%D0%B8%D1%86%D0%BE%C2%BB_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82 (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
- Bahtin, M. M. (1979) *Poetika Dostoevskogo*. 4th ed. Moscow, Sov. Rossiya, 1979. 318 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1963) Problemy poetiki Dostoevskogo. *Elektronnaia biblioteka RuLit* [online] Available at: <https://www.rulit.me/books/problems-poetiki-dostoevskogo-read-59679-17.html> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
- Burov, V. G. (2000) *Kitai i kitaitsy glazami rossiiskogo uchenogo*. Moscow, IFRAN. 206 p. (In Russ.).
- Ivchenko, T. (2014) «Litso» kitaitsa. *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (58). [online] Available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/lico-kitayca> (accessed: 17.08.2020). (In Russ.).
- Isupov, K. G. *Lik — Litso — Lichina* [online] Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/475/ЛИК [archived in WebCite] (accessed: 17.07.2020).
- Malyavin, V. V. (2005) *Kitai upravliaemyi: staryi dobryi menedzhment*. Moscow, Europe. 304 p. (In Russ.).
- Malyavin, V. V. (2000) *Kitaiskaia tsivilizatsiia*. Moscow, Astrel, AST, Production Center “Design. Information, Cartography”. 632 p. (In Russ.).
- Malyavin, V. V. (2003) *Sumerki Dao. Kul'tura Kitaia na poroge Novogo vremeni*. Moscow, Astrel, AST, Production Center “Design. Information, Cartography”. 436 p. (In Russ.).
- Nagibina, I. G. (2017) *Formirovanie diskursivno-kommunikativnoi paradigmy v kitaiskom iazykoznanii: ot teorii k sotsial'noi praktike*: Diss. ... candidate of Philology. Krasnoyarsk. 231 p. (In Russ.).
- Florensky, P. A. Ikonostas. *Biblioteka «Vroki»* [online] Available at: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).

Submission date: 22.07.2020.

Просяков Сергей Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Адрес: 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49. Тел.: +7 (499) 943-98-17. Эл. адрес: ProsekovSergei@yandex.ru

Prosekov Sergey Anatolyevich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, FSBEIHE “Financial University under the Government of the Russian Federation”. Postal address: 49, Leningradskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 125993. Tel.: +7 (499) 943-98-17. E-mail: ProsekovSergei@yandex.ru